

Глеб Иванович Успенский

Неизлечимый

Новые времена, новые заботы

Глеб Успенский

Неизлечимый

«Public Domain»

1873

Успенский Г. И.

Неизлечимый / Г. И. Успенский — «Public Domain»,
1873 — (Новые времена, новые заботы)

Основная тема рассказа – тема пробудившейся мысли – связывает его с очерком «Хочешь-не-хочешь». Как и в этом последнем очерке, Успенский показывает в «Неизлечимом» пробуждение совести у человека, сформировавшегося в условиях старых, крепостнических порядков и отравленного ими. Отсюда и название рассказа «Неизлечимый».

Содержание

I. Глухой городок	5
II. Рассказ	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Глеб Иванович Успенский

Неизлечимый

І. Глухой городок

...Летние месяцы прошлого года мне пришлось провести в одном маленьком уездном городке средней полосы России. Жил я у моего старого знакомого, занимавшего в этом городке должность уездного врача... Скучное это было житье... Если бы не частые поездки в уезд, которые моему приятелю по обязанностям службы приходилось делать чуть не каждую неделю, поездки, в которых и я принимал постоянное участие в качестве простого наблюдателя, – я не знаю, помянул ли бы я добром эти летние месяцы, проведенные «в гостях у друга».

Городок принадлежал к числу самых заброшенных, самых бедных и глухих провинциальных углов, в котором, кроме всех видов бедности и всех видов неразлучного с бедностью невежества – то забитого, робкого, беспомощного, то самодовольного и поэтому еще более, чем другие сорта, отвратительного, – помимо всего этого, хорошо и давно знакомого всем знающим русские захолустья, городок этот поражал всякого, даже постороннего зрителя, и поражал очень неприятно явными признаками вымирания тех ничтожных крупниц жизненной силы, которая в прежнее время давала ему хоть и «кой-какую», но все-таки возможность существовать, жить, иметь хоть и крошечные, но все-таки действительные цели, побуждавшие его, перебиваясь изо дня в день, надеяться на что-то в будущем... Новые времена сразу убили эти крошечные цели существования, оставили городок вне круга железных дорог, а следовательно, и вне принесенных ими денег, вне новых родов заработка, новых пунктов труда. Инстинктивное сознание собственного всегдашнего бессилия подсказало городку, что ни этим новым дорогам, ни этим новым деньгам и заработкам незачем и никогда не придется идти в эту глушь, и вследствие этого сознания все, что было побойчей, помоложе, ушло из города, покинув свои дедовские, почернелые, с переломленной пополам высокой гнилой крышей дома, и оставило в них доживать свой век тех, кто не умел жить и наживать деньги «по-новому», кто отчаялся и махнул рукой...

Городок подгнивал, разваливался, заколачивал гнилыми досками гнилые окна и двери опустевших домов и лавок и беспрестанно, ежеминутно роптал, роптал на бедность, на то, что нечем оплатить патента, что вон еще идут какие-то права, за которые «опять же отдай», что не только отдавать и получать новые права, а и кормиться не на что, что торговли нет никакой, что хорошо бы было, ежели бы господь призвал к себе и успокоил... Эти жалобы и причитанья слышались всегда и повсюду: причитал лавочник, продавая захожему солдату пучок махорки, причитал за стойкой кабатчик, наливая проезжему мужичку стаканчик вина, причитала торговка рубцами и печенкой, сидя на горячем горшке с своим товаром и чувствуя, что скоро совсем переведется на белом свете всякий покупатель... Словом, где бы ни находился уездный человек, что бы он ни делал, – стоял ли за прилавком или так дома сидел на крыльчке перед отходом ко сну, – он постоянно роптал, причитал и постоянно приходил к той мысли, что ему осталось одно – с миром принять праведную кончину. Такого рода уныние проникло всюду, где прежде было относительное довольство, где по воскресеньям дымился пирог и где всегда нашлась бы новая чуйка или шалевый платок, чтобы пройтись к обедне или погулять... Что же сказать об унынии того уездного люда, у которого никогда от сотворения мира не было ни прилавка, ни пирога, ни чуйки и который всегда жил кое-как и кой-чем? Существование этого народа в данную минуту было поистине фантастическое. Нижеследующий разговор, который однажды пришлось вести мне с толпою этого уездного люда, даст читателю, я полагаю, некоторое понятие об этом сказочном существовании.

– Как же вы живете-то? – спрашивал я.

– Да бог ее знает как! – отвечали мне.

– Да как же именно?

– Да так вот именно, что кое-как...

– Толчешься будто вокруг пустого места, – объяснял более обстоятельно понимавший дело житель: – ну, ан-но бутто и пропитываемся, вроде как пропитание!..

– Покуда бог грехам терпит, то и живы! – объяснял другой, более скромно глядевший на дело обыватель.

И, должно быть, объяснение это было очень верное и правильное, потому что тотчас, как только было произнесено слово «бог», в толпе обывателей произошло значительное оживление.

– Да что же ты думаешь? – заговорило сразу несколько человек: – тут только и есть, что господь явно не покидает...

– Явно!.. – подтвердил хор.

– Послушайте-кося, православные, – живо заговорил один из этого хора: – что было со мной!.. Пришло мне дело так, что ложись да помирай... Покуда у Пастуховых дело шло, все ничего, жили кое-как, а как пошло у них на разладку, хоть вот, говорю, иди да топись... Бился-бился, туда-сюда, нет!.. Пришло помирать голодной смертью... Выскочил я, не помню и что и куда, выскочил я так-то из хибарки-то, сам не знаю, не то топиться, не то давиться, хватя...

Все притихли, потому что это «хватя» было произнесено удивительно весело и, очевидно, предвещало какое-то удивительное проявление божия милосердия.

– Хватя, братцы мои, а как есть передо мной на снегу два зайца сидят...

– То-то чудеса-то!..

– Божие произволение... господь-батюшка...

– Два?

– Как есть, братцы мои, два зайца, и сидят рядышком, не шелохнутся...

– Истинно божие, например, указание.

– Ты вот что рассуди, отчего они не шелохнутся-то, кто их держит-то, словно мне подает – «на, мол, Кузнецов, возьми их!», ты вот что раскуси!..

Многие вздохнули: так было ясно всем, что тут был бог.

– Ну, я их сгреб конечно, – закончил рассказчик, когда всеобщее умиление несколько ослабло, – и сволок к исправнику, за полтинник... Ну, и перебился.

Немедленно со всех сторон послышалось желание подтвердить собственным опытом эту явную заботу провидения о бедном народе. Очевидно, со всяким был такой или подобный этому случай, но из массы начавшихся рассказов всех заинтересовал один, в котором все были поражены очень трогательным окончанием. Уездный житель, с которым приключилось это трогательное событие, тоже, как и первый рассказчик, прежде жил «вокруг» купцов Пастуховых, а как пошли они на разладку, «стало ему так, что помирай!» Хотел он так-то раз топиться или давиться, хорошенько он этого не помнит, и сам не знает, зачем побежал к реке... И только было хотел бухнуть, вдруг что-то под ним заорало благим матом.

– Гляжу, братцы мои, гусь, зда-ар-раве-ен-ный-пре-здравенный, дикий гусь!

Сдержанный гул приятного изумления пронесся между слушателями.

– Фунтов от восьми, братцы мои, – каким-то жирным басом продолжал рассказчик: – эдаким вот манером, чисто как окорок... Одно слово, верный целковый!.. Отдавил я ему ногу и крыло, глянул так-то, вижу, руб серебра, не меньше, господь мне послал.

– Восемь фунтов?.. Целковый смело!

– Дикий гусь завсегда руб.

– Цена известная!..

– И что же апосля этого случилось, братцы вы мои! – жалобно возгласил рассказчик и остановился. В публике почувствовалась ясно видимая тревога насчет этого рубля, посланного богом в виде гуся.

Все примолкли.

– Поволок я его на базар, – жалобно продолжал рассказчик, – хоть бы те вот одна душа!.. Ходил-ходил, братцы мои, нет никого, да и шабаш!.. Я к исправнику, не взял... Я к лекарю – нет дома... Я туда, я сюда, хоть вот ложись да помирай: то дома нет, то «не надо»... Что ж ты думаешь?

Последняя фраза была произнесена таким отрывистым тоном и с таким решительным ужасом в чертах лица рассказчика, что все просто онемели, ожидая страшной развязки.

– Ведь так сам и съел гуся-то!

Загудела и зачмокала толпа, сожалея.

– Так, братец ты мой, и слопал сам!

– Эко не поладилось как!

– Эх-ма-хма-хма!.. Рублик-то серебреца!..

– Так и сожрал!.. – подбавляя масла в огонь, прибавил рассказчик.

– Эх-хе-хе.

– Да жирный, пострел, какой – страсть! Так у меня все нутро и переворачивалось. Как гляну на него, не идет в горло, да и шабаш!..

– Эх-хе-хе-е!..

– Так вот все внутренности и перевертываются, как гляну... Вот какое дело... В самую коронацию было, как теперь помню, во – какой, как поросенок!..

Словом, существование этого люда было, без всякого преувеличения, сказочное, фантастическое. «Как бог пошлет» и «коли пошлет бог!» – вот что они по сущей справедливости могли объяснить в разгадку этого существования: вдруг забежит чуть не в сени волк, ну, убьют, сдерут шкуру: слава богу, это хорошо, господь посылает, а не забежит волк, или не наступишь случайно на гуся, или не наткнешься как-нибудь, купаясь, на шуку, не поймаешь ее рукой за жабру, не продашь – тогда хоть ложись да помирай или так «кой-как» толкись вокруг «пустова» места. Уныние, предчувствие, что все дело обывателей должно кончиться только могилой, сознание, что лучше всего махнуть рукой, – такое утомительное и тяжелое состояние духа проникало всех и вся, пропитывало даже, кажется, самый воздух, которым дышал городок. Никто из скучавших и изнывавших обывателей не знал путем, отчего это вдруг не стало на свете житья; почти никто не мог бы объяснить этого, например, помощью новых путей и пунктов торговли; все только «чуяли» свою погибель, и чуяли ее тем сильнее, что на глазах всех жителей совершался въявь факт, для них весьма знаменательный. С давних, с незапамятных времен «всей округой» владел и все торговые и вообще всякие дела вел старинный основательный дом купцов Пастуховых, и вот в настоящую минуту этот-то капитальный дом, эта древняя фамилия, которая составляла, можно сказать, всю денежную и всю действующую силу во всем уезде, фамилия, вокруг которой пропитывались сотни уездной мелкоты, которая украшала храмы божи, которая уважалась в губернии, имела медали и проч., – эта-то фамилия, этот корень древа жизни несчастного уезда, – явно, на глазах всех, изводилась вконец, вымирала... Божеское ли это было попушение, отзывались ли этим измором волку овечьи слезки, как думал иной злопамятный обыватель, или просто фамилия увидела, что в нынешнее время не так и не с такими капиталами орудуют люди, или просто от слишком долгого и прочного благополучия выродился в ней всякий ум и талант, или заела ее совесть, или все это вместе осадило и одолело ее, – только стали твориться в ней недобрые дела, от которых всем обывателям стало тяжело, уныло и тошно жить на свете... В какие-нибудь два года с Пастуховыми случилось множество бед. Во-первых, старший брат, бывший по смерти родителя главою фирмы и державший всё дела на должной высоте и в строгом порядке, вдруг стал «задумываться» и

сошел с ума... Его отвезли в сумасшедший дом в Москву... После него осталось двое детей, оба пожилые и холостые; но один – горький пьяница, босиком и в рубище бегаёт по городу с ругательствами на свою семью, а другой, какой-то полудиот, постоянно шатаётся по церквям и стоит где-нибудь в углу с закрытыми глазами... Их знал город и прежде, но почему-то не придавал значения ни ругательствам пьяного, ни богомолью трезвого; теперь же, когда *вдруг ни с того, ни с другого* помешался, сошел с ума самый старший брат, глава фирмы, воротило, оба полудиота обратили на себя всеобщее внимание, и в пьяном оранье одного, как и усердном богомолье другого стали видеть и понимать предвестие чего-то дурного... Действительно, едва успел заступить место старшего брата средний, только что женившийся в Москве на богатой и засадивший своих идиотов-племянников по конурам, как вдруг молодая скончалась, неизвестно от какой болезни, скончалась вдруг, побоев часа два-три. Тут уж на город нашёл страх и уныние, тем более что эти беды прямо отразились на торговых оборотах... Они сразу уменьшились, упали: вдовец стал с горя пьянствовать, дрался и бушевал и, наконец, не так давно найден в бане с перерезанным горлом: он сам наложил на себя руки... Дела стали; приказчики крали и разбежались, ужас и страх напал на всех жителей. Дом Пастуховых стоял мертвый, как могила, с запертыми воротами... Жители боялись пройти мимо этого дома ночью; многие из них слышали в такую пору какой-то жалобный стон, который будто бы летал вокруг дома... Главою фирмы и владельцем капиталов оставался младший брат, до такой степени напуганный предшествовавшими несчастиями, что только усилия местного духовенства и исправника могли отговорить его от поступления в монашество... Худой, бледный, трепещущий чего-то и предчувствующий что-то недоброе, отправился он, вследствие всеобщего настояния, жениться в Москву. Но напуганные московские отцы и невесты отказывали ему, сторонились его, как чумы, и только с ужасными усилиями, наконец, удалось ему выискать невесту в Коломне, в бедной семье (чего не бывало с Пастуховым), да и та поехала с мужем словно на смерть, дрожа и заливаясь слезами.

Мне пришлось быть в городке в ту самую минуту, когда ждали родов этой жены последнего представителя дома, ждали с напряженным вниманием, чуя в то же время, что опять что-то случится нехорошее. Голоса и вой вокруг дома Пастуховых слышались все чаще и чаще... Идиот-пьяница как на грех вырвался и бежал по городу, неистовствуя пуше прежнего. Это уныние, этот страх, эти смерти, похороны, этот вой вокруг дома, призывающий что-то недоброе, о котором все думают и которого все ждут, до такой степени сильно повлияли на меня, человека, повидимому, постороннего, что в короткое время пребывания нервы мои сильно расстроились, и я, наряду со всеми обывателями, стал чего-то бояться, чего-то с тревогой ждать.

Удар соборного колокола, удар протяжный и унылый, однажды ночью, сразу дал знать всему городу, что «оно», это недоброе, – случилось...

– У Пастуховых несчастье! – колотя с улицы в ставню нашей квартиры что есть мочи, кричит перепуганный голос. – Неблагополучно!.. Пожалуйте лекаря, скорее...

– Кто? С кем... господи помилуй!.. – слышатся уж голоса на улице.

Но новый удар в колокол мешал слышать ответ пастуховского посланного. Не слышно ничего, кроме:

– Неблагополучно... Очень неприятно!..

– Господи помилуй! Помилуй нас, царица небесная!

– Сам или сама?.. С кем?..

Но опять нельзя разобрать, с кем «неблагополучно». Опять удар колокола по покойнике, и ветер, хлопающий ставней, и стукотня бегущих ног, и опять где-то, не то на дворе, не то на улице, шопот и причитанье:

– Господи помилуй! Господи помилуй!

– Согрешили, грешные, пред престолом твоим, отче Макарие!

– Оох-оо-оох...

И колокол и ветер.

Такие сцены, наверное, бывали во дни падения Новгорода и Пскова. Умирала и там и тут идея, державшая город и народ...

Целую ночь я не мог сомкнуть глаз... К утру воротившийся доктор объявил, что умерла молодая жена. Роды были такие ужасные, что еще более омрачило всеобщее состояние духа. Носились слухи, что и *сам* недолго выживет.

Начался похоронный звон, толки о панихидах, выносах. Мы уехали в уезд и только там отдохнули от всего этого немного... Воротившись дня через три, я нашел в общественном состоянии духа сильный упадок... Покойницу похоронили с честью, но ясно увидели, что дому Пастуховых нечем держаться на свете... Видели, что тут совершается дело, которому не пособить никакими капиталами. Очевидно, «все пойдет прахом»... *Сам* бросил все дела и тоже стал задумываться. Наживет недолго; кому все это достанется? Приедут какие-нибудь «ахахи-блинники» из родни, заберут капитал, дом отдадут под солдат, а не то оставят размывать дождям и развеять ветрам и снегам!.. И при этой мысли жалость обывателю щемила сердце. Пастуховы так давно властвовали над ним, так давно грабили народ (как иногда осмеливался болтать иной злой язык), и так долго и неизменно хорошо все это сходило им с рук, что горожане даже полюбили ловко обделывавший дела дом, и им жалко было, если все это изведется прахом.

– Вот она, жизнь-то человеческая! Прах, тлен!.. – Все это носилось в воздухе, в жизни городка, – и все это делало летнее пребывание мое здесь не особенно веселым...

Кроме такого похоронного настроения, господствовавшего в городке, под самым боком у нас происходило нечто еще более неприятное, чем это похоронное настроение. Мы жили в доме, который представлял собою тоже обреченное на гибель чиновничье гнездо, как на грех одаренное непомерною живучестью, волчьей жаждою куска и поставленное обстоятельствами также в необходимость погибнуть измором. Главою этого дома была какая-то старая отставная надворная советница, госпожа Антонова; ей принадлежал дом, ей принадлежали какие-то деньжонки, которые она отдавала под проценты, и вот вокруг этой женщины, пропитанной насквозь запахом жирных подачек, взяток, вообще запахом каких-то денег, падающих с неба, без трудов и хлопот, около этого центра, как около старого, гнилого пня, словно куча червей, копошилась тоже куча всякой родни, зятьев, свояков и проч. Это было действительно гнездо животных, кажется родившихся уже с открытою, приготовившеюся глотать пастью. Никогда мне не приходилось испытывать более отталкивающего, даже отвратительного впечатления от физиономий, какое внушали мне физиономии почти всех представителей этой семьи. Редко, почти никогда нельзя чувствовать продолжительное отвращение даже к самым непривлекательным, к самым неискренним физиономиям; всегда, рано ли, поздно ли, вдруг проглянет черта, которая объяснит сразу и неискренность и отвратительность, и объяснит, как по крайней мере знаю я, всегда в лучшую, в добрую сторону. Ничего подобного не удалось мне приметить в этом гнезде надворной советницы, кроме чего-то наглого, плотоядного, в полном смысле этого слова, я никогда ничего не замечал ни в одном из этих обитателей гнезда... Все это был здоровенный, плодущий народ, с лоснившимися, гладкими, как налимья кожа, лицами, с жадными глазами, толстыми подбородками и холодным взглядом (большой частью у них были черные глаза), который вдруг делался рабским, сверкая радостью голодной собаки перед куском мяса, когда кто-нибудь из должников приносил проценты или когда вообще где-нибудь близко пахло деньгами... Весь этот народ, несмотря на то, что был молод, уже успел провороваться и быть под судом: так велика у них была жажда глотать, и так они были приготовлены десятками лет подьячества... Почти мальчиками, не учась, они поступали на разные должности и тотчас же принимались за свое дело. Но, должно быть, они были слишком щедро наделены инстинктами грабительства или так же, как и Пастуховы, не знали, «как это делается» в нынешнее время, – только, проглотив по куску, тотчас же и попались... Тот слишком поторопился запустить руку в кассу на какой-то станции железной дороги, этот подделал, да тоже «не как следует», вексель,

а тот прямо перекусил пополам какого-то мужичонка, над которым ему была дана власть и которого он должен бы был истощать медленно, как паук муху... Словом, все они попались на первом же глотке, и, имея понятие о свойстве их натур, потрудитесь, если можете, представить, что за зрелище представляло это семейство. Appetit у них был раздражен в высшей степени; воспитание и среда развили его в ужасных размерах; тот маленький кусок, который им удалось отведать на своем веку, был хорош и манил, тянул отведать еще, да и ко всему этому самым раздражающим образом действовало на всех постоянное созерцание пахнувшей удачным грабежом маменьки... Запах этот злил их и ссорил между собою ежеминутно, и ежеминутно они боялись пикнуть, боялись громко сказать словечко, чтобы не потерять во мнении главы этого клоповника, и шипели поэтому друг на друга, как змеи.

Иметь за стеной такое соседство, знать, что тут, за нашей спиной, копошится что-то злое и жадное, – ощущение было в высшей степени неприятное и, вместе с унылым настроением духа всего городка, делало пребывание в нем далеко не отдохновением; повторяю, нас спасали только поездки за город, в деревню, после которых можно было на некоторое время позабыть все скучные и дрянные мелочи, окружавшие нас... Но и несмотря на эти поездки, я бы не мог прожить здесь долго, если бы меня, в этом самом отвратительном гнезде госпожи Антоновой, не заинтересовала одна личность, жизнь которой навела меня на некоторые, в конце концов очень утешительные, относительно повсюду свирепствующего уныния, размышления.

С этим субъектом я и познакомлю теперь читателя.

II. Рассказ

В один из первых дней после моего приезда в городок, когда мы, отобедав, отдыхали – один в одной, другой в другой комнате – и когда в доме, на дворе и на улице царствовала невозмутимая тишина, в пустом зале вдруг раздался голос:

– Иван Иваныч, а Иван Иваныч!

– Что вам? – отвечал мой приятель из своего кабинета.

– Да мне бы два словечка хотелось...

Говоривший, повидимому, стоял на улице или на дворе и говорил в отворенное окно.

– Что такое, какие словечки? – шлепая туфлями и направляясь к окну, говорил мой приятель. – Здравствуйте, отец дьякон! – Какие словечки?..

– Доброго здоровья!.. Да я было хотел...

– Вы вот что скажите прежде всего, – перебил его Иван Иваныч: – бросили вы пить или нет и принимаете ли железо?

– Бросаю...

– Бросаете? Прекрасно... А железо?

– Да вот я об этом и хочу с вами потолковать.

– Что же такое?

– Да вступает ли?

– Что вступает ли?

Как ни прискорбно, а надо сказать, что приятель мой, попав в такую непроходимую глушь, как этот несчастный городок, и видя постоянную бедность и невежество самые поразительные, стал чувствовать себя и по своим знаниям и по средствам неизмеримо выше всего этого люда и усвоил себе некоторую покровительственную развязность в обращении со всем этим народом. Не знаю, виноват ли он в этом.

– Что такое, – продолжал он, усаживаясь у окна: – что такое «вступает»? Что вы тут толкуете? Куда «вступает»?

– Да железо-то... Точно ли, мол, вступает в это... как его?..

– В кровь, что ли? В организм?

– Вот-вот... в это самое... Точно ли, мол?..

– Ах, отец Аркадий, или как там вас, отец вы или кто, уж не знаю... Сколько раз я вам говорил – да! да! вступает! И именно вступает в кровь! За каким же чортом, спрашивается, я вам его прописывал? Ну, скажите ради бога, за каким чортом?

Отец дьякон кашлянул.

– Вы, – продолжал доктор, отделяя каждое слово, – вы пили, кровь у вас теперь – не кровь, а сусло... Понимаете?.. Сусло, а не кровь!..

– Позвольте, – перебил дьякон. – Господи помилуй! Да разве я об этом? Конечно, пьешь... Да нешто я об этом? Сусло! Я и сам знаю, что сусло.

– Ну так что же тут, о чем же тут разговаривать? Принимайте железо – и все!

– И, то есть, уж в самый корень вступит?

– Я не знаю, что это за корень... Вам куда надо-то?

– Да по мне бы в самую настоящую точку...

– Еще куда?.. В корень, в точку, еще куда?

– То есть чтоб в самую, например, в жилу?..

Дьякон ждал ответа.

– Знаете, что я вам скажу, отец дьякон, – довольно строгим тоном заговорил доктор. – Так говорить нельзя... Помилуйте! Да этакого разговора сам чорт не разберет... Что это значит

– в самую точку? Где самая жила, а где не самая? Ведь это – просто чорт знает что такое! Что такое вы говорите?..

Дьякон и сам засмеялся.

– Чорт ее знает в самом деле, плетешь языком невесть что!..

– Ей-богу, ведь это невозможно!.. В точку да в жилу...

– Ха-ха-ха!.. – хохотал дьякон.

– Ей-богу, невозможно!..

После незначительного молчания, во время которого доктор, надо думать, смягчился, разговор возобновился вновь.

– Я вам говорю, – начал доктор спокойно и категорически: – железо вступает в кровь! раз!

– Так!

– Поправляет и укрепляет нервы!

– Два! – тоже категорически отчеканивал дьякон. – Далее?

– Да чего ж вам еще?

– А в душу?

– Что в душу?

– Да в душу-то вступает ли?

Этот вопрос снова как будто встревожил доктора.

– Знаете, батюшка, что я вам скажу... Мне кажется, что вы – большой охотник разговаривать! Вы сначала попробуйте – перестаньте пить да полечитесь, а потом и увидите, что будет с душой...

– И возобновляет?

– Нет, отец Аркадий, это невозможно! Это... Это... Так вы хотите, чтоб я вам душу возобновил, что ли? Так? Да?..

Доктор, очевидно, озлился.

– Да какой же мне, помилуйте, – тоже, по-видимому, ошестинившись, заговорил дьякон, – какой мне расчет там нервы эти самые, ежели оно не попадает в самую точку?

Доктор бегал по комнате в очевидном гневе и молчал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.